

© 2025 г. Л.П. РЕПИНА

ТВОРЧЕСТВО Э.П. ТОМПСОНА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ИСТОРИИ. К 100-летию со дня рождения

Репина Лорина Петровна — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН; Институт всеобщей истории РАН; Институт филологии и истории РГГУ (Москва, Россия).

E-mail: lorinarepina@yandex.ru

Scopus Author ID: 39764477500; ORCID: 0000-0002-8008-9388; Researcher ID: A-8518-2018

Аннотация. В статье, посвященной столетию со дня рождения выдающегося британского историка, публициста и теоретика Эдварда Палмера Томпсона, внесшего огромный вклад в формирование и развитие «новой социальной истории», предпринимается попытка рассмотреть его оригинальные аналитические разработки в свете теоретико-методологических поисков современной исторической науки. Автор статьи концентрирует внимание на тех методологических установках, эмпирических открытиях и концептуальных находках в исследовательской практике Томпсона, которые, несмотря на радикальные различия в общественно-политических и интеллектуальных ситуациях середины XX в. и первых десятилетий XXI в., оказались так или иначе востребованными в новых условиях историографии как исторической науки о культуре эпохи постпостмодерна. В центре внимания оказываются важнейшие исторические концепции Томпсона — концепции «классового сознания» и «моральной экономики», опирающейся на представления о традиционных социальных нормах, а также ключевые категории «опыта», в которых воплощаются диалектические взаимоотношения объективных условий и субъективной деятельности исторических акторов. На примере критического анализа подхода Эдварда Томпсона, проведенного итальянским историком Симоной Черутти в рамках ее рассуждений об актуальном состоянии микроистории и попытках разобраться во взаимоотношениях между сторонниками ее «социальной» или «культурной» интерпретации, показана ценность диалектики двух томпсоновских категорий «опыта» как неотъемлемая конструктивная часть его решения проблемы «двойной» контекстуализации значимых исторических объектов. Микроисторический проект исходит из тех же принципов социокультурного анализа, исследуя индивидов и групп в их локальных ситуациях, создающих ограничения и возможности для их действий и, в свою очередь, преобразуемых ими.

Ключевые слова: Эдвард Палмер Томпсон, новая социальная история, новая рабочая история, социальная психология, историческая антропология, «моральная экономика», микроистория, Симона Черутти.

L.P. Repina**The Work of Edward Palmer Thompson in Light of Modern Theory of History: On the 100th Anniversary of His Birth***Lorina Repina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).**E-mail: lorinarepina@yandex.ru**Scopus Author ID: 39764477500; ORCID: 0000-0002-8008-9388; Researcher ID: A-8518-2018*

Abstract. This article, which marks the centenary of the birth of the esteemed British historian, publicist, and theorist Edward Palmer Thompson, who made a significant impact on the evolution of the “new social history” approach, seeks to examine his pioneering analytical contributions in the context of the ongoing theoretical, methodological developments within the field of historical science. The author focuses on the methodological guidelines, empirical discoveries and conceptual findings in Edward Thompson’s research practice, which, despite radical differences in the social, political, and intellectual situations of the mid-twentieth and early twenty-first centuries, have proven to be relevant in one way or another in the new conditions of history writing as a post-postmodern cultural historical science. The analysis is centred on the two most significant historical concepts developed by Thompson: the notion of “class consciousness” and the concept of “moral economy”, both of which are based on ideas about traditional social norms. Additionally, the study delves into the pivotal category of “experience”, which encapsulate the dialectical relationship between objective conditions and the subjective actions of historical actors. By drawing upon the critical analysis conducted by the esteemed Italian historian Simona Cerutti, which she presented in the context of discussions surrounding the current landscape of microhistory and efforts to grasp the interconnections between its proponents, one could gain valuable insights into the nuances of Thompson’s theoretical approach. The author of the paper illustrates the significance of Thompson’s dual conceptualisation of “experience”, which represents an indispensable constructive element in his approach to the challenge of “double” contextualisation inherent to the study of significant historical phenomena.

Keywords: Edward Palmer Thompson, new social history, new labour history, social psychology, historical anthropology, “moral economy”, microhistory, Simona Cerutti.

Британский ученый Эдвард Палмер Томпсон (1924–1993) известен прежде всего как крупнейший исследователь истории английского рабочего класса и бесспорный лидер «новой рабочей истории». В новейшей историографии он признается отцом-основателем направления «новой социальной истории» как важнейшей составляющей «новой истории», или «новой исторической науки», расцвет которой приходится на 1970–1980-е годы¹. В меньшей степени известны и, как представляется, недооценены оригинальные разработки Э.П. Томпсона в области теории истории. Между тем в свете дискуссий по теоретико-методологическим и эпистемологическим проблемам исторической науки, ведущихся сегодня в профессиональном сообществе, новое обращение к теоретическому наследию Э.П. Томпсона было бы весьма полезным, впрочем, как и перепрочтение его фундаментальных конкретно-исторических работ.

Эдвард Палмер Томпсон родился в 1924 г. в Оксфорде. Его отец был методистским миссионером в Индии, переводчиком с бенгальского, личным другом Джавахарлала Неру и автором биографии Рабиндраната Тагора, а старший брат, лингвист, член Коммунистической партии Великобритании, был схвачен и расстрелян во время операции по поддержке болгарских партизан-антифашистов в 1943 г. Оба брата вступили в КПВ в 1939 г. после падения Испанской Республики. Во время Второй мировой войны Эдвард Томпсон сражался

¹ Зверева Г.И., Репина Л.П. Социальная история и «новая историческая наука» в Великобритании // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 159–174.

в Италии в должности командира танка в звании лейтенанта. Семейная история делает понятным многое в биографии и научном наследии Э.П. Томпсона.

В 1946 г. Эдвард Палмер Томпсон вместе с Эриком Хобсбаумом, Кристофером Хиллом, Родни Хилтоном, которым в недалеком будущем предстояло стать фигурами первого ряда в британской и мировой историографии, участвовали в создании Группы историков Коммунистической партии Великобритании². Покинув КПВ после венгерских событий 1956 г., он стал одним из лидеров «новых левых» и Движения за ядерное разоружение. Как видный представитель западного марксизма Э.П. Томпсон выступал с позиций «социалистического гуманизма» и стоял у истоков британских академических левых журналов *The New Reasoner*, *Socialist Register*, а также *New Left Review*, из редакции которого он вышел уже в середине 1960-х годов.

Во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов в связи с серьезными переменами в общественно-политической жизни изменилась расстановка сил и в интеллектуальной жизни страны. Радикализация студенческого движения в 1960-х годах и последующая профессионализация «новых левых» породили такие явления, как «академический марксизм», преподаваемый в университетах в качестве одной из теорий общественных наук, и колоссальный рост публикаций и диссертаций, в том числе исторических работ, написанных под влиянием марксизма, использующих специфическую терминологию и претендующих на то, чтобы называться марксистскими³. На рубеже 1970—1980-х годов подобная литература разрослась до таких размеров, что премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер «не преминула выразить обеспокоенность по поводу того, что наиболее широко читаемые работы по национальной истории Британии поставляются марксистами»⁴. Отмеченные явления наложили неизгладимый отпечаток на дебаты как по отдельным историческим проблемам, так и по основным вопросам теории и методологии истории во многих странах Западной Европы. Причем в центре теоретических дискуссий оказались взаимоотношения между историей и другими общественными науками, и прежде всего отношения социальной истории, которая была ведущей областью конкретных исследований «новой исторической науки», с социологией и антропологией⁵. Ситуация, сложившаяся к концу 1970-х годов, казалась исключительно благоприятной для формирования междисциплинарного подхода на основе альянса истории и антропологии, который поначалу виделся беспроblemным. Однако уже в это время Э.П. Томпсон, рассуждая о различиях в природе этих наук, сформулировал свои предостережения предельно четко: «Иногда думают, что антропология может предложить готовые выводы не только об отдельных сообществах, но и об обществе в целом, поскольку базовые функции и структуры, обнаруженные антропологами, — какими бы сложными или скрытыми они ни были в современных обществах — все еще продолжают лежать в основе современных форм. Но история — это дисциплина контекста и процесса (здесь и далее курсив мой. — Л.Р.): всякое значение есть значение в контексте, а структуры изменяются, в то время как старые формы могут выражать новые функции или старые функции могут находить выражение в новых формах... В истории нет никаких постоянных

² Подробно об организации, составе и деятельности этой группы см.: *Hobsbawm E. Historians' Group of the Communist Party // Rebels and their Causes. Essays in honour of A.L. Morton / ed. M. Cornforth. London, 1978. P. 21—48. См. также: Samuel R. British Marxists Historians, 1880—1980. Part One // New Left Review. 1980. № 120; Kaye H.J. The Education of Desire: Marxists and the Writing of History. New York; London, 1992.*

³ Вообще 1970-е годы ознаменовались появлением ряда новых обществоведческих журналов неомарксистской ориентации: *History Workshop Journal*, *Journal of Peasant Studies*, *Oral History*, *Social History* и др. Особое место среди них занял специализированный журнал «Социальная история».

⁴ *The Forward March of Labour Halted? / eds M. Jacques, F. Mulhern. London, 1981. P. 162.*

⁵ Подробнее о международных дискуссиях 1960-х — начала 1970-х годов по поводу соотношения истории и социологии, роли социальных теорий в историческом познании см.: *Баре М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиэвистики. М., 1973. См. также: Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.*

актов с неизменными характеристиками, которые могли бы быть изолированы от специфических социальных контекстов»⁶.

1960–1970-е годы справедливо считаются временем расцвета и даже доминирования социальной истории во все разрастающемся предметном пространстве исторических наук. По контрасту с конца 1980-х – в 1990-е годы с трибун научных форумов и на страницах профессиональных журналов все чаще раздаются панические голоса о кризисе и даже «конце» социальной истории. Говоря о кризисе рабочей и социальной истории и дискуссиях 1990-х годов о путях выхода из него, Марсель ван дер Линден⁷ поставил диагноз: «Неотъемлемая черта упомянутого кризиса – потеря внутренней взаимосвязи исследований»: «беспрецедентный поток публикаций» привел к «крайней фрагментации самого научного направления»⁸. «Многие социальные историки, – писал ван дер Линден, – кажется, подвержены фундаментальным сомнениям. Как следует поддерживать дисциплину? Чем определяется актуальность исследовательских вопросов? Что думать о множестве часто несовместимых теоретических подходов? Действительно ли социальная история является независимой дисциплиной?...»⁹

С тех пор прошла еще четверть века. И, естественно, многое изменилось. Но сначала вернемся в знаменательный 1963 г., которым маркируется (условно) рождение «новой социальной истории». Именно в этом году вышла в свет монография Томпсона¹⁰, споры вокруг которой во многом определили облик не только британской, но и мировой историографии рабочего движения. Название этой во всех отношениях исторической книги на русском языке присутствует в трех вариантах: «Становление», «Формирование» или «Возникновение английского рабочего класса».

Хотя прошло уже более 60 лет со времени публикации этой книги, быстро вошедшей в число классических, основные ее идеи продолжают привлекать внимание исследователей и остаются в предметном поле современных дискуссий¹¹, в центре которых то, что можно назвать проблемой социальных категоризаций. Действительно, главный тезис Э.П. Томпсона состоит в том, что между 1780 и 1832 гг. «большинство английских рабочих *начали ощущать, что имеют общие интересы друг с другом* и что эти интересы противоречат интересам правителей и работодателей»¹². Таким образом, Томпсон рассматривал именно *осознание общности интересов* как признак превращения рабочих в класс. Парадоксально, но обычно критика томпсоновской аналитической модели в рамках обсуждения проблем рабочей истории на этом базовом тезисе и заканчивается. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

Э.П. Томпсон придал новую направленность затянувшемуся спору оптимистов и пессимистов по поводу социальных последствий промышленного переворота: концепциям «экономического роста», сторонники которых анализируют последствия промышленного переворота при помощи оптимистических данных о «средней зарплате» рабочего, Томпсон противопоставил дифференцированный социально-антропологический, историко-демографический

⁶ Thompson E.P. Folklore, anthropology, and social history // *Indian Historical Review*. 1977. Vol. 3. № 2. P. 256–258. Анализ истории как процесса и результата деятельности людей – сходная позиция «народной истории», или «истории снизу», при этом ее акцент на творческой энергии масс никоим образом не отрицает обуславливающую роль контекста (конstellации объективных обстоятельств любых действий) в этом творческом процессе.

⁷ Видный специалист по истории рабочего класса и левых движений, директор Международного института социальной истории (International Institute of Social History, Amsterdam).

⁸ Линден М. ван дер, Лукассен Я. Прологомены к глобальной рабочей истории // *Социальная история*. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 53.

⁹ Отвечая на свой риторический вопрос, настроенный оптимистически ван дер Линден пошел по пути сопоставления ситуаций с количеством публикаций по социальной истории в 1963 г. и в конце 1990-х годов. См.: Линден М. ван дер, Лукассен Я. Указ. соч. С. 54.

¹⁰ Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. London, 1963.

¹¹ Donnelly F.K. Ideology and Early English Working-Class History: Edward Thompson and His Critics // *Social History*. 1976. Vol. 1. № 2. P. 219–238; Palmer B.D. E.P. Thompson: Objections and Oppositions. London; New York. 1994. Ch. 3.

¹² Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. P. 11.

и социально-психологический анализ положения различных слоев рабочего класса. Этот анализ показал, что резко усилившаяся интенсификация труда эпохи промышленного переворота крайне неблагоприятно отразилась на трудовой этике рабочих, их жизненных ориентациях, физическом здоровье и моральном состоянии, семейной жизни, восприятии рабочими окружающего мира и своего места в нем. Порожденные промышленным переворотом массовая безработица, нищета, производственный травматизм, никак не учтенные в оптимистических выкладках концепции «экономического роста», обусловили сформулированный Томпсоном парадокс относительно значимых социальных последствий промышленного переворота: в период с 1790-х по 1840-е годы материальное положение «среднего рабочего» несколько улучшилось, но в этот же период рабочий класс стал чувствовать себя гораздо менее защищенным и несчастным, воспринимая свое положение в обществе как катастрофическое¹³. Исследуя многочисленные выступления рабочих против нарождавшейся системы промышленного капитализма, Томпсон, в частности, решительно отверг укоренившееся представление о луддитах как о слепых «разрушителях машин» и на основе анализа нетрадиционных источников (к ним относятся, например, свидетельства осведомителей, засланных властями) пришел к выводу, что у луддитов была рациональная программа, которая включала защиту свободного квалифицированного труда независимых от работодателей, самостоятельных производителей, обоснование коллективистских способов взаимодействия рабочих, а также политические требования, направленные на демократизацию государства¹⁴.

Между тем концепция Э.П. Томпсона, сформулированная в его монографии 1963 г., оказалась отправным пунктом и для другой дискуссии — о масштабах и преемственности радикальных политических движений в Англии первой трети XIX в. и о доказуемости их связи с рабочим движением. Как известно, Томпсон, помимо прочего, пришел к выводу, что на протяжении примерно 20 лет после подавления открытой агитации радикалов в 1796–1797 гг. в Англии существовало революционное подполье, в котором участвовали радикалы и рабочие. В немедленно разгоревшейся дискуссии критики разделились на два лагеря: одни оппоненты оспаривали концепцию Томпсона, ссылаясь на ненадежность его основных источников — донесений правительственных агентов и на неубедительность попыток найти в этих документах «скрытые революционные цели» деятельности рабочих объединений, другие доказывали с привлечением архивных документов министерства внутренних дел, что Томпсон не только не преувеличил размах подпольного движения, но, напротив, был излишне осторожен в своих выводах. Впрочем, спорами сопровождалась и все другие публикации Томпсона, что не мешало признанию его в научной среде далеко за пределами «новой рабочей истории».

Наиболее известной и влиятельной исторической концепцией Томпсона стала концепция «моральной экономики», вынесенная им в название статьи «Моральная экономика английской толпы в XVIII в.»¹⁵, опубликованной в 1971 г. на страницах авторитетного академического журнала *Past and Present*. В статье был продолжен пересмотр сложившихся в историографии представлений о соотношении стихийности и сознательности в массовых народных движениях, инициаторами которого выступили еще в 1960-е годы Эрик Хобсбум, Джордж Рюде и сам Эдвард Томпсон¹⁶.

¹³ Ibid. P. 231.

¹⁴ Ibid. P. 600–658. См. также: *Согрин В.В., Зверева Г.В., Репина Л.П.* Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 160–163.

¹⁵ *Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past and Present*. 1971. № 50. P. 78–136. См. также: *Coats A.W.* Contrary Moralities: Plebs, Paternalists and Political Economists // *Past and Present*. 1972. № 54. P. 130–133; *Genovese E.F.* The Many Faces of Moral Economy: A Contribution to a debate // *Past and Present*. 1973. № 58. P. 161–168; *Williams D.E.* Were “Hunger” Rioters Really Hungry? Some Demographic Evidence // *Past and Present*. 1976. № 71. P. 70–75; *Booth A.* Food Riots in the North West of England, 1790–1801 // *Past and Present*. 1977. № 77. P. 84–107.

¹⁶ Подробнее об этой дискуссии см.: *Модель Д.А.* Проблемы новой истории Англии на страницах журнала «Паст энд Презент» 1970-х — начала 1980-х годов (по материалам дискуссий) // Проблемы британской истории. 1984. М., 1984. С. 229–239. См. также: *Барг М.А.* «Народная история» в современной английской историографии // Новая и новейшая история. 1987. № 4. С. 68–82.

Э.П. Томпсон сделал попытку найти единую концептуальную основу для изучения различных форм протеста английской бедноты против стихии рынка. На примере так называемых хлебных бунтов в Англии в последней трети XVIII в. исследователь обнаружил специфику народных протестных движений этого исторического периода в таких присущих им качествах, как организованность, дисциплина, четкость целей. Анализируя поведение «толпы», Томпсон реконструировал лежавшую в его основе систему народных представлений и ценностей, которую он назвал «моральной экономикой бедноты» (*moral economy of the poor*). «Моральная экономика бедноты», подчеркивал Томпсон, имела традиционалистский характер, была ориентирована на сознание мелкого потребителя и четко разграничивала «нормальное» и «неправильное» поведение имущих и власть имущих. Резкое повышение цен на белый хлеб, который стал в XVIII в. важной частью пищевого рациона трудового люда, расценивалось в этой перспективе как «неправильная», а значит, нелегитимная (противозаконная) практика. Таким образом, не только острая нужда в необходимых средствах существования, но также исторически сложившееся (на основе коллективного опыта) и индивидуально усвоенное понимание социальных норм толкали представителей народных низов на хлебные бунты. Анализ требований бунтовщиков и всех их действий показал, что главной их целью было восстановление строгого соблюдения укорененных в их сознании традиционных норм «моральной экономики», которая получала определенное подкрепление и в патерналистской политике властей. Томпсон также показал, что в XVIII в. рынок неоднократно превращался в арену классовой борьбы (и Великобритания не была здесь исключением по сравнению с другими доиндустриальными обществами), но в начале XIX в., когда центр тяжести классовых конфликтов переместился на фабрики и в шахты, старая традиция социального протеста отмирает.

Предложенная Э.П. Томпсоном более полувека назад модель анализа и сегодня активно используется историками-новистами разных стран. Концепция «моральной экономики» оказалась чрезвычайно востребованной и продуктивной. В работах многочисленных последователей Томпсона был собран огромный фактический материал, показывающий процесс нарастания активности британских рабочих в конце XVIII – начале XIX в. Некоторые исследователи готовы были признать, что Томпсон преувеличил степень самосознания рабочего класса к началу XIX в., но подчеркивали, что, даже будучи доказанным, данное обстоятельство никак не может дезавуировать реальные свидетельства самостоятельной оппозиционной культуры рабочего класса, которая ярко проявлялась в его социальной психологии и повседневной жизни, в семейных и соседских отношениях, в обыденном поведении во время работы и вне ее¹⁷.

С середины 1970-х годов значительно выросло внимание социальных историков к разработке проблем народной культуры доиндустриальной эпохи. В результате антропологического поворота в конце 1970-х – 1980-е годы в рабочей истории возобладал социокультурный подход, научные интересы социальных историков сместились в сторону изучения организации потребления и досуга, культуры и ценностных ориентаций различных слоев общества¹⁸. Однако очень скоро, уже в 1970-х годах, проявились негативные тенденции, которые впоследствии привели к растущей фрагментации и кризису социальной истории. Эдвард Томпсон писал еще в 1973 г., что «новая социальная история произвела на свет целый ряд впечатлений, моментальных снимков, и одно изображение вышло статичнее другого. Когда дело дошло до подведения итогов, обнаружилось, что социальная история приобрела новое измерение, но одновременно целые области традиционных научных интересов, такие, как экономическая и политическая история, оказались заброшенными. Главная цель истории

¹⁷ Winter I. *Labour History and Labour Historians* // *The Working Class in Modern British History*. Cambridge, 1983. P. IX–XXII.

¹⁸ Согрин В.В., Зверева Г.В., Ренина Л.П. Указ. соч. С. 88–90.

как науки, изучающей человека, — подчеркивал Томпсон, — обобщать и интегрировать с целью охватить полностью развитие социальных и культурных процессов, была утрачена»¹⁹.

Таким образом, Томпсон считал главным признаком класса наличие у него классового самосознания. Сегодня это можно считать уязвимым местом его концепции, только если игнорировать его собственные теоретические разработки в русле так называемого обновленного марксизма и культурного материализма, сформировавшегося под влиянием принципов социокультурного анализа Антонио Грамши и культурологической теории Реймонда Уильямса²⁰. Как известно, важное место в «новой социальной истории» занимала «оппозиционная составляющая»: большая группа ее субдисциплин была обязана своим происхождением развитию массовых движений, которые нуждались в формировании исторического самосознания и стимулировали общественный интерес к прошлому угнетенных и эксплуатируемых слоев населения. В этой связи не кажется парадоксальным, что в условиях острого кризиса традиционного историзма именно британским историкам-неомарксистам пришлось в 1960-е годы в полемике с экономическим детерминизмом и социологизмом школы Л. Нэмира отстаивать значение идей и массового сознания в историческом процессе, успешно продвигаясь «от общего утверждения, что люди являются созидательной силой истории, к точному и детальному представлению о том, кто были эти “люди” на каждом этапе и что они в действительности делали и думали»²¹.

Социологическая процедура категоризации людей как принадлежащих к тем или иным социальным группам связана с представлением об общественной структуре, разделенной по определенным критериям отнесения индивидов к той или иной категории²². Вместе с тем акцент на культурно-психологической характеристике индивида или группы нередко превращается в универсальный объяснительный принцип. В этом случае развенчание социально-структурной истории, игнорировавшей субъективный фактор, приводит не к постижению целостной исторической реальности, а к замене ее столь же односторонней интерпретацией, которая, декларируя включенность объективной реальности в реальность субъективную, ограничивается анализом последней.

Сегодня наиболее распространенные версии новой исследовательской парадигмы, которую иногда определяют как «неоклассическую»²³, опираются на концепции исторического развития, группирующиеся вокруг разных «теорий практики», или «прагматического поворота»²⁴, которые выводят на первый план действия исторических акторов в их локальных ситуациях в контексте тех социальных структур, которые одновременно и создают возможности для действий, и ограничивают их. В результате одна и та же социальная ситуация может быть интерпретирована по-разному в зависимости от культурной практики, в которую она включена, или от сознания самих акторов.

Сопоставляя эти подходы, нельзя не заметить, что Томпсон, характеризуя английский рабочий класс преимущественно в социально-антропологическом и социально-психологическом измерениях, опирался на подобное всеобъемлющее понимание исторического

¹⁹ Thompson E.P. Responses to Reality // New Society. 4.X.1973.

²⁰ Williams R. Culture and Society, 1780–1950. London, 1958; *Idem*. The Long Revolution. London, 1961; Woodhams S. History in the Making: Raymond Williams, Edward Thompson and Radical Intellectuals, 1936–1956. London, 2001.

²¹ Morton A.L. The People in History // Marxism Today. 1962. P. 182.

²² Фрумкина Р.М. Категоризация как познавательная процедура: сословия и социальные группы // Диалог со временем. 2005. Вып. 14. С. 132–149.

²³ См.: Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С. 291–293.

²⁴ См.: Biernacki R. Language and the Shift from Signs to Practice in Cultural Inquiry // History and Theory. 2000. Vol. 39. № 3. P. 289.

контекста и на понимание самой исторической науки как «дисциплины контекста и процесса»²⁵. Те отечественные авторы, которые перевели название знаменитой книги Томпсона как «Возникновение...» или «Формирование английского рабочего класса», похоже, не очень внимательно читали авторское предисловие.

Томпсон начинает его как раз с объяснения этого названия, которое, по его словам, хоть и «корявое», но соответствует цели, поставленной автором книги: «Making, — писал Томпсон, — это потому, что речь идет об изучении активного процесса, который обязан как действую, так и его условиям. Рабочий класс не взшел как солнце в назначенное время. Он присутствовал при своем собственном становлении... Я не вижу класс ни как “структуру”, ни как “категорию”, но как то, что на самом деле происходит (и можно показать, что произошло) в человеческих отношениях... Более того, понятие класса влечет за собой понятие исторического отношения. Как и в случае любого другого отношения, его подвижность ускользает от анализа, если мы пытаемся остановить его в какой-то момент и анатомизировать его структуру... Отношения всегда должны воплощаться в реальных людях и в реальном контексте. Класс возникает, когда некоторые люди в результате коллективного опыта (наследственного или общего) чувствуют и артикулируют идентичность своих интересов как между собой, так и в отношении других людей, чьи интересы отличаются от их интересов (и обычно противоположны им). Классовый опыт во многом определяется производственными отношениями, в которые люди... вступают произвольно. Классовое сознание — это способ, которым этот опыт выражается в терминах культуры: он воплощается в традициях, системах ценностей, идеях и институциональных формах. Если опыт кажется детерминированным, то классовое сознание таковым не является»²⁶. Томпсон рассматривает класс не с точки зрения его места в структуре общества, а как определенный социальный процесс или деятельность в отношениях с другими социальными группами и в конкретном социально-историческом контексте.

Центральное место в критических выступлениях против структурализма и прежде всего его «альтюссерианского варианта», нашедшего поклонников в среде британских «новых левых», заняли многолетние дебаты Томпсона с новыми руководителями основанного им журнала *New Left Review*. В своей книге «Нищета теории» Томпсон полемизировал со структуралистской школой Луи Альтюссера, отстаивая гуманистическое прочтение марксизма на основе деятельностного подхода и понимания единства субъективной и объективной сторон общественной практики²⁷. Приверженность к деятельностному подходу во многом определяла профессиональную и общественную деятельность Томпсона. Как показала вся его личная исследовательская практика, уберечь историка от вредной привычки к редукции, к абсолютизации одного из измерений исторической реальности за счет других может только понимание диалектической двойственности категории опыта. Пытаясь в ответ на критику в его адрес яснее сформулировать свои теоретико-методологические принципы, Томпсон вычленил из категории «классового опыта» два понятия («опыт I» и «опыт II»)²⁸.

Само по себе богатство исследовательского арсенала, предназначенного для анализа широкого круга явлений, не способно обеспечить целостное видение предмета. Здесь необходим комплексный подход, в котором различные модели социального анализа дополняют друг друга. Вот почему на первый план социальные историки поставили задачу разработки адекватного концептуального аппарата, способного обеспечить практическое применение в историческом исследовании метода социального анализа, опирающегося на последовательную комбинацию системно-структурного и социокультурного (субъективно-деятельностного) подходов. Речь идет о социальной истории в широком смысле слова, которая держит в своем фокусе не только так называемые объективные структуры или человеческое

²⁵ Кстати, принадлежащее Э. Томпсону определение истории как «дисциплины контекста и процесса» представляется особенно значимым сегодня в свете актуальных дискуссий о «дисциплинировании» в науке.

²⁶ Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. P. 9–10.

²⁷ Thompson E.P. *The Poverty of theory and other essays*. London, 1978.

²⁸ Ibid. P. 396; *People's history and socialist theory* / ed. R. Samuel. London, 1981. P. 406.

сознание и поведение, а способ взаимодействия тех и других в развивающейся общественной системе и в изменяющейся культурной среде, которая эту систему поддерживает и оправдывает. В этом проекте социоистории ключевую роль играют синтетические категории «опыта» и «переживания», воплощающие диалектическое единство и противоречивость объективных условий деятельности и ее субъективного восприятия (т.е. «опыт I» и «опыт II», в терминологии Томпсона). В этих категориях Томпсоном концептуализируется внутренняя связь субъекта истории с объективными (как материальными, так и духовными) условиями его деятельности²⁹.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении теоретическая модель, предложенная, верифицированная в собственных конкретно-исторических исследованиях и отстаиваемая Э.П. Томпсоном в двусторонней полемике с «левым структурализмом» и «культурным детерминизмом», выглядит своеобразной «предтечей» позиции сторонников «прагматического поворота» в современной историографии, прямо ориентированной на синтез социальной и культурной истории, на адекватное воспроизведение диалектического взаимодействия объективных и субъективных компонентов деятельности исторических акторов. Ведь в основе такой теоретической позиции лежит понимание социального контекста деятельности как ситуации, задающей не только условия, но вызовы и проблемы, которые требуют своего практического разрешения.

Представительница итальянской школы микроистории Симона Черутти, анализируя исходные посылы микроисториков, лежащие в основе противостояния социальной контекстуализации и контекстуализации культурной, и пытаясь ответить на вопрос о том, удалось ли им найти подлинную связь между социальными отношениями и культурными моделями³⁰, привлекла в качестве примера, по ее признанию, «одного из наиболее выдающихся историков XX в.», Э.П. Томпсона, чей «чрезвычайно оригинальный историко-антропологический исследовательский проект» оказал «огромное влияние на микроисториков», пояснив, что этот пример представляется ей «весьма показательным в плане тех ограничений, которые социальная история сама на себя наложила и которые не давали ей возможности полностью выполнить свои обещания» (с. 359). По мнению Симоны Черутти, «эти ограничения возникли в результате суженной трактовки смысла социального действия». «“Культура”, оказавшаяся в центре внимания Томпсона, являлась прежде всего правовой культурой, нормативной культурой обладания правами, которую демонстрировали английские трудящиеся классы в самых разных ситуациях и вокруг которой возникали серьезные конфликты». Ограниченность этого подхода, утверждает С. Черутти, состоит в понимании культуры как основанной на практике социального взаимодействия, в процессе которого модели поведения отдельных людей задаются опытом конкретных групп. Такое понимание опыта и моделей поведения, присущее Э.П. Томпсону, подвергается автором критике как слишком узкое, поскольку действия выступают как точное выражение совместного опыта, определяемого социальной структурой. Действие вытекает из этой структуры и иерархии — и сводится к ней же. Таким образом, контекст, создаваемый Э.П. Томпсоном, по мнению С. Черутти, оказывается строго социальным, а культура, принимаемая им во внимание, — исключительно народной культурой. Однако, что не было принято во внимание в качестве составляющей этого метода, который С. Черутти называет «этическим», так это точка зрения самих действующих лиц, их понимание собственного опыта (с. 361).

Исследовательница также считает, что тот контекст, который принимался в микроисторических исследованиях с попыткой предложить социальную категоризацию, соответствующую своему времени, оказался, как и у Томпсона, неадекватным: «Реконструкция биографий отдельных индивидов сама по себе не давала гарантий выявления их “внутреннего”

²⁹ Подробнее об этом см.: Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Ч. 1 // Социальная история. Вып. 1. М., 1998. С. 11–52; Ч. 2 // Социальная история. Вып. 2. М., 1999. С. 7–38.

³⁰ Черутти С. Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. С. 354–375 (далее ссылки даются в тексте).

мировосприятия. В таких исторических реконструкциях применялось понятие “стратегии” со всеми присущими ему коннотациями, подчеркивающими роль рационального выбора и моделей поведения» (с. 361). Оказывается, что «общее направление того или иного действия уже заранее предопределено понятийными рамками “стратегии поведения”, поскольку одна из предпосылок такого подхода заключается в том, что индивид манипулирует социальными нормами. Это означает, что противоречия между конкретным действием и существующей социальной нормой ожидаемы изначально и историк специально разыскивает их» (с. 362).

Как утверждает Симона Черутти, такой подход годен только «для выявления способов использования “актерами” своих представлений и верований, тогда как проблема их “происхождения” отодвигается в сторону». Она предлагает исследователям обратить внимание на «интенсивную работу, которую проводят люди прошлого по отбору тех или иных образов и идей, в результате чего происходят изменения и в изучаемой культурной традиции: «Обоснование такого подхода заключается в том, что культура не является чем-то просто унаследованным, она представляет собой еще и результат постоянного творчества». Ситуацию «создания культурной традиции в ходе процесса выбора, притом процесса вполне “локального”, т.е. жестко привязанного к своему времени и определенному месту», можно исследовать и понять «при помощи детального анализа не столько высказываний действующих лиц или созданных ими текстов, сколько действий конкретных мужчин и женщин, действительно предпринятых ими» (с. 370).

Симона Черутти называет этот метод, заданный представлениями самих исторических акторов, «эмическим», который, по ее мнению, отличается от «этического» тем, что направлен на понимание не только того, как использовалась данная культурная традиция, но и того, как она создавалась заново³¹.

Не принижая значение контекстуального и социального анализа, эмический метод позволяет учитывать богатство творческих возможностей людей прошлого в их отношениях с унаследованной культурной традицией, представляя ее как результат постоянного творчества на основе действий и требований акторов в их локальном контексте. В данном случае мы имеем дело с «двойной контекстуализацией», а точнее говоря — с жестко привязанным к определенному времени и месту, т.е. (микро)историческим, *процессом*.

Таким образом, перспектива микроисторического проекта, нацеленного на изучение единичного или локального, опираясь на аналитическую модель Э.П. Томпсона и трансформируя ее на основе новых представлений о взаимоотношениях между субъектом и объектом познания и ограничений на изучение отдаленных и не связанных друг с другом исторических контекстов, доказывает — на другом уровне — жизнеспособность предложенного им метода.

Библиография

Барг М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.

Барг М.А. «Народная история» в современной английской историографии // Новая и новейшая история. 1987. № 4. С. 68–82.

Зверева Г.И., Репина Л.П. Социальная история и «новая историческая наука» в Великобритании // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 159–174.

Линден М. ван дер, Лукассен Я. Прологомены к глобальной рабочей истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 53–68.

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005.

Модель Д.А. Проблемы новой истории Англии на страницах журнала «Паст энд Презент» 1970-х — начала 1980-х годов (по материалам дискуссий) // Проблемы британской истории. 1984. М., 1984. С. 229–239.

Модель Д.А. Труды английских ученых по истории рабочего класса в период промышленного капитализма // Проблемы британской истории. 1987. М., 1987. С. 239–249.

³¹ В антропологии термины «эмический» и «этический» обозначают два разных исследовательских метода. Если этический подход основан на категориях, присущих исследователю, то эмический подход — на понятиях и языке, которыми оперируют сами акторы, т.е. дело в выборе исследователем категориального аппарата для своего анализа (с. 370, прим. 22; с. 373).

- Репина Л.П. Современная демократическая историография в Великобритании: организация, проблематика, методология // Проблемы британской истории. 1987. М., 1987. С. 228–238.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
- Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Ч. 1 // Социальная история. Вып. 1. М., 1998. С. 11–52; Ч. 2 // Социальная история. Вып. 2. М., 1999. С. 7–38.
- Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991.
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016.
- Фрумкина Р.М. Категоризация как познавательная процедура: сословия и социальные группы // Диалог со временем. 2005. Вып. 14. С. 132–149.
- Черутти С. Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. С. 354–375.
- Biernacki R. Language and the Shift from Signs to Practice in Cultural Inquiry // History and Theory. 2000. Vol. 39. № 3. P. 289–310.
- Booth A. Food Riots in the North West of England, 1790–1801 // Past and Present. 1977. № 77. P. 84–107.
- Coats A.W. Contrary Moralities: Plebs, Paternalists and Political Economists // Past and Present. 1972. № 54. P. 130–133.
- Donnelly F.K. Ideology and Early English Working-Class History: Edward Thompson and His Critics // Social History. 1976. Vol. 1. № 2. P. 219–238.
- Genovese E.F. The Many Faces of Moral Economy: A Contribution to a debate // Past and Present. 1973. № 58. P. 161–168.
- Hobsbawm E. Historians' Group of the Communist Party // Rebels and their Causes. Essays in honour of A.L. Morton / ed. M. Cornforth. London, 1978. P. 21–48.
- Kaye H.J. The Education of Desire: Marxists and the Writing of History. New York; London, 1992.
- Palmer B.D. E.P. Thompson: Objections and Oppositions. London; New York, 1994.
- People's history and socialist theory / ed. R. Samuel. London, 1981.
- The Forward March of Labour Halted? / eds M. Jacques, F. Mulhern. London, 1981.
- Thompson E.P. Folklore, anthropology, and social history // Indian Historical Review. 1977. Vol. 3. № 2. P. 247–266.
- Thompson E.P. The Making of the English Working Class. London, 1963.
- Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. № 50. P. 78–136.
- Thompson E.P. The Poverty of Theory and other essays. London, 1978.
- Williams D.E. Were "Hunger" Rioters Really Hungry? Some Demographic Evidence // Past and Present. 1976. № 71. P. 70–75.
- Williams R. Culture and Society, 1780–1950. London, 1958.
- Williams R. The Long Revolution. London, 1961.
- Winter J. Labour History and Labour Historians // The Working Class in Modern British History. Cambridge, 1983. P. IX–XXII.
- Woodhams S. History in the Making: Raymond Williams, Edward Thompson and Radical Intellectuals, 1936–1956. London, 2001.

References

- Barg M.A. "Narodnaya istoriya" v sovremennoy angliyskoy istoriografii [A Popular History in the modern British historiography] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 1987. № 4. S. 68–82. (In Russ.)
- Barg M.A. Problemy sotsial'noy v osveshenii sovremennoy zapadnoy medievistiki [Problems of Social history in the coverage of modern Western Medieval Studies]. Moskva, 1973. (In Russ.)
- Cerutti S. Mikroistoria: Sotsial'nye otnosheniya protiv kul'turnykh modely? [Microhistory: Social Relations versus Cultural Models?] // Kazus. Individual'noye i unikal'noye v istorii [Case. Individual and Unique in History]. 2005. S. 354–375. (In Russ.)
- Frumkina P.M. Kategorizatsiya kak poznavatel'naya protsedura: sosloviya i social'nye gruppy [Categorization as a cognitive procedure: estates and social groups] // Dialog so vremenem [Dialogue with the Time]. 2005. Iss. 14. S. 132–149. (In Russ.)
- Linden M. van der, Lukassen Ya. Prolegomeny k globalnoy rabochey istorii [Prolegomena to the global working history] // Sotsialnaya istoriya. Ezhegodnik [Social History. Yearbook], 1997. Moskva, 1998. S. 53–68. (In Russ.)
- Lubskiy A.V. Al'ternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya [Alternative Models of Historical Research]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Model' D.A. Problemy novoy istorii Anglii na stranitsakh zhurnala "Past end Present" 1970-kh — nachala 1980-kh godov (po materialam diskussiy) [Problems of the New History of England on the Pages of the Magazine "Past and Present" in the 1970s — Early 1980s (Based on Discussion Materials)] // Problemy britanskoy istorii [Problems of British history]. 1984. Moskva, 1984. S. 229–239. (In Russ.)

Model' D.A. Trudy angliyskikh uchenykh po istorii rabochego klassa v period promyshlennogo kapitalizma [Works of English scholars on the history of the working class in the period of industrial capitalism] // Problemy britanskoy istorii [Problems of British history]. 1987. Moskva, 1987. S. 239–249. (In Russ.)

Repina L.P. "Novaya istoricheskaya nauka" i sotsial'naya istoriya ["New History" and Social History]. Moskva, 1998. (In Russ.)

Repina L.P. Smena poznavatelnykh orientatsii i metamorfozy sotsial'noy istorii [Change of cognitive orientations and metamorphoses of social history]. Ch. 1 // Sotsialnaya istoriya [Social history]. Vyp. 1. Moskva, 1998. S. 11–52; Ch. 2 // Sotsialnaya istoriya [Social history]. Vyp. 2. Moskva, 1999. S. 7–38. (In Russ.)

Repina L.P. Sovremennaya demokraticeskaya istoriografiya v Velikobritanii: organizatsiya, problematika, metodologiya [Modern democratic historiography in Great Britain: organization, problems, methodology] // Problemy britanskoy istorii [Problems of British history]. 1987. Moskva, 1987. S. 228–238. (In Russ.)

Sogrin V.V., Zvereva G.I., Repina L.P. Sovremennaya isoriografiya Velikobritanii [Modern historiography of Great Britain]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: Terminologicheskii slovar' [Theory and Methodology of Historical Science: Terminological Dictionary]. Izd. 2-e, ispr. i dop. / otv. red. A.O. Chubaryan, L.P. Repina. Moskva, 2016. (In Russ.)

Zvereva G.I., Repina L.P. Sotsial'naya istoria i "novaya istoricheskaya nauka" Velikobritanii [Social History and "New History" of Great Britain] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 1988. № 4. S. 159–174. (In Russ.)

Biernacki R. Language and the Shift from Signs to Practice in Cultural Inquiry // History and Theory. 2000. Vol. 39. № 3. P. 289–310.

Booth A. Food Riots in the North West of England, 1790–1801 // Past and Present. 1977. № 77. P. 84–107.

Coats A.W. Contrary Moralities: Plebs, Paternalists and Political Economists // Past and Present. 1972. № 54. P. 130–133.

Donnelly F.K. Ideology and Early English Working-Class History: Edward Thompson and His Critics // Social History. 1976. Vol. 1. № 2. P. 219–238.

Genovese E.F. The Many Faces of Moral Economy: A Contribution to a debate // Past and Present. 1973. № 58. P. 161–168.

Hobsbawm E. Historians' Group of the Communist Party // Rebels and their Causes. Essays in honour of A.L. Morton / ed. M. Cornforth. London, 1978. P. 21–48.

Kaye H.J. The Education of Desire: Marxists and the Writing of History. New York; London, 1992.

Palmer B.D. E.P. Thompson: Objections and Oppositions. London; New York. 1994.

People's history and socialist theory / ed. R. Samuel. London, 1981.

The Forward March of Labour Halted? / eds M. Jacques, F. Mulhern. London, 1981.

Thompson E.P. Folklore, anthropology, and social history // Indian Historical Review. 1977. Vol. 3. № 2. P. 247–266.

Thompson E.P. The Making of the English Working Class. London, 1963.

Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. № 50. P. 78–136.

Thompson E.P. The Poverty of Theory and other essays. London, 1978.

Williams D.E. Were "Hunger" Rioters Really Hungry? Some Demographic Evidence // Past and Present. 1976. № 71. P. 70–75.

Williams R. Culture and Society, 1780–1950. London, 1958.

Williams R. The Long Revolution. London, 1961.

Winter I. Labour History and Labour Historians // The Working Class in Modern British History. Cambridge, 1983. P. IX–XXII.

Woodhams S. History in the Making: Raymond Williams, Edward Thompson and Radical Intellectuals, 1936–1956. London, 2001.